

Глава 1

Область Цзяньян, уезд Миншуй.

— Рыба! Свежая рыба, только из пруда! Подходи, выбирай, приценивайся!

Звонкий голос разносился над рыбными рядами Западной улицы.

Тао Цинъюй, облачённый в короткую рубаху из грубого полотна, поверх которой для тепла была наброшена тяжёлая безрукавка из овечьей шкуры, стоял за прилавком. Он весело зазывал прохожих. Лицо юноши, тронутое лёгким морозным румянцем, светилось радушием. Округлые, как косточки абрикоса, глаза так и лучились жизнью, напоминая лесного оленёнка.

В рыбных рядах всегда было сыро. Повсюду громоздились деревянные ушаты и глиняные корчаги, а кое-где высились вкопанные в землю каменные садки в колено высотой. Стоило подуть ветру, как влага превращалась в ледяные иглы, больно колющие кожу.

Рыночный день клонился к закату, и товара почти не осталось. Те немногие рыбины, что ещё плескались в больших чанах, получили долгожданную передышку и теперь лениво шевелили жабрами, заглатывая ртом холодную воду. Под ногами хлюпала грязная жижа вперемешку с кровью, чешуёй и потрохами; тяжёлый рыбный дух стоял такой, что случайные прохожие предпочитали обходить это место стороной.

Видя, что народу поубавилось, торговцы начали сворачиваться. Один из них, завидев неумолимого парня, всё ещё зазывающего редких покупателей, с улыбкой окликнул его:

— Юй-гээр, мы, пожалуй, пойдём.

Тао Цинъюй перестал кричать и кивнул:

— Ступайте. Я тоже почти закончил, с остатками загляну в пару переулков.

С этими словами он споро побросал в тележку разделочные ножи и доски. Юноша управлялся так ловко, что покинул рынок первым.

Глядя ему в спину, остальные торговцы невольно замедлили работу. Пожилой торговец Цзоу Фэнчунь разогнулся и, сжав кулаки, несильно постучал себя по пояснице.

— Всё утро на ногах, а наш Юй-гээр будто и не знает усталости. У меня уже и голос сел, а он всё как заведённый.

К нему подошла жена и с беспокойством принялась разминать мужу спину.

— Этот парень с малых лет за отцом хвостом ходил, к труду привычный, — рассудительно заметила она. — А ты на возраст свой посмотри, нечего с молодёжью тягаться.

В самом конце ряда молодой мужчина с неприятным прищуром — Цзэн Сылан — вёл под уздцы осла. Услышав похвалы, он позеленел от зависти и процедил сквозь зубы:

— Тоже мне, работничек. Понаберут по объявлению... Да разве ж это гээр? Где это видано, чтобы приличный гээр с мужиками за выгоду грызся? Покупатели-то к нему, небось, из-за смазливой рожи лезут, а он и рад стараться... уж не приторговывает ли он втихую чем другим?

— Цзэн Сылан! — лицо Цзоу Фэнчуня потемнело. — Если сам цену задрал и рыбу продать не можешь, так нечего на других желчь изливать!

Старожилы рынка знали Тао Цинъюя с пелёнок. За добрый десяток лет каждый успел убедиться в честности и добром нраве этого гэера. Кому он мешал, торгуя рыбой?

Цзоу Фэнчунь замолчал, убирая товар.

«Будь у меня такой работающий гээр, я бы от счастья во сне улыбался», — подумал старик.

Цзэн Сылан, пришедший на этот рынок недавно, не ожидал такого отпора. Покраснев до корней волос, он упрямо выпятил подбородок:

— А разве я не прав? У вас что, глаз нет? Посмотрите сами! Столько мужиков вокруг него вьётся, небось...

Староста Цзоу оборвал его на полуслове, вскипев от ярости:

— Юй-гээр честным трудом на хлеб зарабатывает! А вот ты своим поганым языком весь порядок нам тут портишь! Ну, подходи, я тебе сейчас быстро его укорочу!

Торговец сверкнул глазами и замахнулся пудовым кулаком. Сылан, струхнув не на шутку, изо всей силы хлестнул осла плетью. Животное взвыло от боли и рвануло вперёд, унося хозяина прочь от расправы.

Остальные торговцы, досмотрев сцену, сошлись вместе. Кто-то открыто заступался за парня, кто-то лишь вздыхал, считая, что гээру и впрямь не пристало так часто мелькать на людях, но вслух осуждать не решались. В конце концов, чужая семья — потёмки.

— Оставь его, староста Цзоу, — примирительно сказал кто-то.

— Будь здесь сам Юй-гээр, этот слизняк и пикнуть бы не посмел.

— И то верно. Собираемся, пора по домам.

***

Пока на рынке кипели страсти, Тао Цинъюй уже катил свою тележку по городским улицам. Он миновал несколько переулков, перебрался из западной части уезда в восточную, и в его глубоком чане осталось всего три-четыре рыбины.

Проходя мимо дома, у ворот которого росли две старые кассии, Цинъюй заметил на дверях тяжёлый замок. Губы его пересохли от жажды, но зазывать покупателей он не стал — лишь молча проследовал дальше.

Улов сегодня был богатым. И хотя торговать пришлось долго, почти всё удалось обратить в звонкую монету. Парень утёр пот со лба, размял затёкшие руки и присел отдохнуть на ступени чьего-то крыльца.

Полдень близился к концу, и суета на улицах утихла. Юноша достал флягу, сделал несколько глотков холодной воды и на мгновение замер, глядя в пустоту.

«Дома уже несколько дней не видели мяса», — вспомнил он.

Парень взвесил на ладони кошель с деньгами, перевёл взгляд с рыбы в чане на мясную лавку через дорогу. Рынок закрывался, а значит, цена должна была упасть на пару-тройку медяков. На прилавке мясника сиротливо лежал кусок — больше постный, чем жирный, который явно никто не хотел брать. Цинъюй сглотнул слюну, вскочил и, отряхнув штаны, подбежал к лавке.

— Хозяин!

— О, Юй-гээр, — мясник с улыбкой окинул его взглядом. — Неужто сегодня решил мясом разжиться?

Цинъюй улыбнулся в ответ. Он был хорош собой, и хотя кожа его потемнела от постоянных трудов, улыбка юноши была подобна солнечному лучу, согревающему всё вокруг.

— Да я бы и рад всегда заходить, дядя, да недосуг. А тут гляжу — как раз ваш кусок меня дожидается.

Он не стал ходить вокруг да около и спросил прямо:

— На рыбу обменяем?

Мясник покачал головой:

— Дохлятина мне не нужна.

Циньёй мигом подкатил свою тележку поближе:

— Смотрите, ещё дышит!

Мясник вышел из-за прилавка и заглянул в чан. Три рыбины, хоть и плавали уже на боку, всё ещё слабо шевелили жабрами.

— Тут на три-пять цзиней вытянет, — затараторил парень. — Все три за тот ваш кусок отдаю.

Мясник хмыкнул:

— Слишком много, мне столько не съесть.

Циньёй испугался, что сделка сорвётся:

— Тогда на половину куска!

Мясник вдруг подхватил перевязанный бечёвкой шмат мяса и швырнул его прямо в тележку. Указав на чан, он велел:

— Забирай две. Одну сам съем, другую тестю занесу.

— А третья...

— Лишнего не надо.

Тао Циньёй вмиг преобразился — словно молодой росток, расправивший листья после весеннего дождя. Он просиял, обнажив в улыбке острые клыки.

— Ну, так же нельзя... — пробормотал он для приличия.

— Будет тебе, я же тебя не первый день знаю.

— Хе-хе, спасибо, дядя! — Цинъюй ловко подхватил рыб за жабры, продел сквозь рты пучок соломы и с поклоном передал мяснику.

— Иди уже, покуда не стемнело, — махнул тот рукой.

Цинъюй весело помахал на прощание, накинул лямку тележки на плечо и развернулся в сторону ворот. Мясо стоило дорого, и мало кто в уезде Миншуй мог позволить себе его часто. Рыба же была вдвое дешевле. Если посчитать, обмен двух рыб на три цзиня мяса был для него выгодным. К тому же осталась ещё одна рыбина — на ужин. День явно прошёл не зря.

***

У городских ворот протекала небольшая речка. Цинъюй спустился к воде и вылил из чана лишнюю воду. Тележка сразу стала легче, и он прибавил шаг.

Дорога до родной деревни занимала почти час. Цинъюй глубоко вдохнул холодный воздух и зашагал вперёд. В пути он невольно предался воспоминаниям.

Вообще-то, в прошлой жизни его звали Тао Цинъюй, но иероглиф «Юй» в его имени был другим — он означал реку. В той жизни он рано ушёл из-за болезни. Видимо, на мосту Нахэ старуха Мэн По разбавила свой отвар водой, потому что в детстве к нему обрывками возвращались воспоминания.

Маленьким он ничего не понимал и часто донимал отца странными вопросами. Семья решила, что в ребёнка вселился бес, и возила его к знахаркам. Помогали те или нет — вопрос спорный, но каждое посещение стоило немалых денег. И Цинъюй первым начал жалеть семейные средства. С тех пор, какие бы видения ни всплывали в его голове, он держал язык за зубами.

Став старше, он осознал, кем является. Единственное, что до сих пор сбивало его с толку, — это здешний мир. Он не был похож ни на одну династию из его памяти, а люди здесь делились не только на мужчин и женщин, но и на гээров. Гээр внешне ничем не отличался от мужчины, но мог выносить и родить дитя. И так уж вышло, что сам Тао Цинъюй был именно гээром.

Это было непросто принять. Но физиологию не обманешь.

«Будь что будет», — решил он наконец.

Так, плывя по течению, юноша дожил до восемнадцати лет.

***

Спустя час Тао Циньюй добрался до окраины своей деревни. Перед тем как войти, он проверил, надёжно ли спрятано мясо. Затем, упёршись коленями в землю и крепко держась за ручки, осторожно спустил тележку с длинного пологого склона.

За склоном начиналась деревня Баоцюань. Она раскинулась на холмах: западная часть была выше, восточная — ниже. Основную часть жителей составляли семьи с фамилиями Цинь и Тао. Слева от главной дороги террасами спускались поля. Зимой на них стояла вода, и вся поверхность была испещрена следами утиных лапок. Глядя на жирных зимних уток, Циньюй невольно подумал, что они были бы хороши и в тушёном виде, и в наваристом бульоне.

Чем дальше он шёл, тем больше домов попадалось на пути. Зимой работы мало — разве что рапс посадить. Селяне собирались кучками: женщины и гээры занимались рукоделием, переговариваясь о том о сём. В такое время любой прохожий на деревенской улице тут же становился темой для обсуждения. Разведением рыбы в деревне занималась только семья Тао, так что тележка Циньюя неизменно привлекала внимание. Юноша вежливо здоровался, но старался не задерживаться.

Миновав площадь для обмолота зерна, он свернул на узкую тропинку, ведущую к дому.

— Отец! Младший папочка, я вернулся!

Не успел он войти во двор, как навстречу выбежал мальчик лет шести-семи.

— Цинцзя.

Тао Цинцзя вцепился в ногу брата и быстро затараторил:

— Старший брат, у нас опять сваха! Беги скорее!

Услышав это, Циньюй на чистом рефлексе отступил на шаг назад.

— О, Юй-гээр вернулся, — не давая ему сбежать, из дверей вышел Фан У. Младший папочка с улыбкой поймал сына за руку. — Иди скорее, приведи себя в порядок.

Циньюй натянуто улыбнулся:

— Папа, я же говорил...

— Муж! Помоги с тележкой!

Юноша вздохнул, видя, как Фан У — натура деятельная, но физически слабая — безуспешно

пытается сдвинуть гружёную тележку. Пришлось самому браться за дело.

Когда тележка оказалась во дворе, родной отец подтолкнул Цинъюя в сторону его комнаты. Закрыв дверь, юноша обнаружил, что за ним проскользнули младший брат Цинцзя и двое пятилетних близнецов — Тао Цинъя и Тао Цинмяо. Все трое тут же уселись на край кровати.

— Почему не предупредили заранее? — спросил Цинъюй, присаживаясь на табурет.

— Я ждал у дороги, но тебя долго не было! Честно! Спроси у Цинъи и Цинмяо, — Цинцзя шепелявил из-за выпавших передних зубов.

Близнецы синхронно закивали. Юноша подпёр подбородок рукой, в глазах его мелькнул недобрый огонёк.

— Что за семья? Что сваха говорит?

Цинцзя забавно наморщил лоб, вспоминая слова взрослых:

— Из деревни Эрли. В семье — единственный мужчина. Староват только, двадцать пять уже.

— Смирный, — добавил Цинъя.

— Крепкий, — вставил Цинмяо.

— Значит, глупый и толстый, — резюмировал Цинъюй.

— Фамилия Вань. Знаешь таких, брат?

— Не припомню.

— О чём вы там шепчетесь? Юй-гээр, выходи немедля! — раздался голос Фан У.

И в тот же миг со стороны кухни донеслось характерное шипение. Густой, дразнящий аромат жареного мяса проник в комнату.

— Мясо! — глаза детей загорелись голодным блеском.

Цинъюй подскочил как ошпаренный.

— Моё мясо! — он быстро обернулся к малым. — Давно пришла сваха?

— Четверть часа как сидит.

Юноша похлопал Цинцзя по голове с сочувствием:

— Постарайся за столом ухватить кусок побольше.

Он распахнул дверь и вышел, а следом за ним высыпали трое сорванцов. Цинъюй был выше обычных гээров почти на голову, и дети с обожанием смотрели на него снизу вверх, пока вся процессия не ввалилась в кухню.

— Ой, а вот и наш Юй-гээр!

Тао Цинъюй замер на пороге и криво усмехнулся.

— Ой... А вот и наша сваха Цай!

Цай Цзиньхуа хихикнула:

— Ну что ты такое говоришь? Мы же не в первый раз видимся, неужто ты меня не признал?

Цинъюй нацепил самую фальшивую из своих улыбок:

— Ну как же не признать. Вы столько раз в наш дом заходили, сваха Цай, как я мог вас не узнать?

<http://bllate.org/book/15858/1436807>